

Образование с точки зрения экономической теории социальных взаимодействий.

Экономический подход к образованию часто вызывает неадекватную реакцию у педагогов, психологов и даже некоторых экономистов излишне традиционных направлений. Так, например, подвергается нападкам рутинное нейтральное выражение «образовательная услуга», что вызывает недоумение у специалистов по социальной экономике. Мне кажется, что корни этого недоразумения коренятся в нашем марксистском прошлом. Дело в том, что услуги, т.е. блага, не имеющие материальных носителей, в отличие от товаров, не учитывались при исчислении марксистского национального дохода. Иными словами болванка, выточенная слесарем, умножала советский нацдоход, а труд учителя или врача – нет. Это было несправедливо, обидно, а с экономической точки зрения глупо, как и всё в самом передовом учении. С тех пор мы перешли на общепринятую систему исчисления. В качестве показателя национального дохода выступает валовый внутренний продукт (ВВП), в котором и товары, и услуги сосуществуют абсолютно на равных правах. Ситуация изменилась, а обида осталась. «Я несу разумное, доброе, вечное, а вы говорите, что это услуга», - обижается учитель. «Вы его в руках несете или, может быть, с помощью подъемного крана?» - спрашивает экономист. - «Если так, то это товар». «Нет», - отвечает учитель, - я это делаю голосом, жестами, вообще взаимодействием с учеником». «Ну, тогда это услуга». Оба расстанутся растерянными и недовольными.

Однако, помимо смешного и досадного непонимания в проблеме есть и другая сторона. Конечно, то, что оказывает учитель обществу – это образовательная услуга. Точно так же, как то, что оказывает Государственная Дума обществу – это государственная услуга. Иногда эта услуга бывает медвежьей, что поделаешь. Но какова бы ни была хороша или плоха данная услуга, она не есть само благо. Государственная услуга – это не государство, а образовательная услуга – это не образование. Государство – это то, в чем мы живем. При этом государственные услуги оказывает нам паспортистка и президент, но то, что они делают – это не государство. Государство это благо, которое создаем мы ежедневно, придерживаясь некоторых правил человеческого общежития, благодаря которым можем зарабатывать себе на хлеб и более-менее чувствовать себя в безопасности. Образовательные услуги оказывает нам школа, семья, СМИ, наши приятели, но образование как благо создаем мы сами. Естественно, при этом мы используем все оказанные нам образовательные услуги в качестве ресурса для своего образования.

Насколько я понимаю, такой подход не противоречит современной педагогической науке, но, наоборот, согласуется с пониманием «субъект-субъектной педагогики». Экономический подход, заключается в утверждении, что благо производится семьей или отдельным человеком с помощью потребления поступающих извне товаров и услуг, которые играют роль ресурсов для производства этого блага, т.е. образования в данном случае.

Рассматривая образование как благо, мы должны отнести его к аддитивным благам, т.е. благам, в результате потребления которых может вырабатываться «пристрастие». Слово «потребление» здесь не совсем корректно. Согласно приведенным выше рассуждениям было бы более точно говорить не о потреблении такого блага как образование, но о его производстве внутри личности. Тем не менее, для наших дальнейших рассуждений по этому вопросу вполне достаточно говорить о потреблении блага, например, о чтении «хороших» книг. Впервые на феномен «пристрастия» обратил внимание ещё Альфред Маршалл, для которого существование аддитивных благ казалось несколько противоречащим закону убывающей полезности. Действительно, купив стиральную машину, мы вряд ли пойдем покупать вторую. В отличие от этого Маршалл вынужден был заметить «что чем более человек слушает хорошую музыку, тем более, должно возрасть у него желание её слушать». Он высказал мнение, что это связано с изменением вкусов.

Почти через столетие Дж.Стиглер и Гэри С.Беккер предположили другую интерпретацию феномена аддитивных благ. Они провели свой анализ на том же

маршалловском примере, «хорошей музыки». Мне кажется, что подобный анализ распространяется не только на слушание музыки, но и на чтение книг и даже на решение математических задач. Короче говоря, речь идет об образовании в целом.

По понятным причинам не приводя здесь доскональный анализ проблемы, базирующийся на операциях с частными производными, я, тем не менее, хотел бы представить психолого-педагогическому сообществу его предпосылки и результаты.

В основу рассмотрения положим понятие «образовательного капитала», который накапливается в процессе образования. Эта часть человеческого капитала выражает подготовленность к восприятию дальнейшего образования. «Зрячая радость узнавания», - как говорил О.Мандельштам, это не что иное, как «удовольствие» по Иеремии Бентamu или же «наслаждение» по Дж.Стиглеру и Г.Беккеру. Она тем больше, чем больше времени уделяет человек образованию и чем больше он накопил образовательного капитала. При этом, чем больше образовательный капитал, тем с большей пользой тратится время на образование.

В принципе, среди пристрастий различаются «благотворные» (beneficial) и «пагубные» (harmful), например, героин. По определению благотворное пристрастие – это такое пристрастие, при котором наслаждение от потребления блага тем выше, чем сильнее были предыдущие наслаждения. В то же время, пагубные пристрастия заставляют человека увеличивать потребляемые дозы, чтобы пережить наслаждение, сравнимое с предыдущим. Ясно, что образование больше, чем что либо иное относится к благотворным пристрастиям. Чем больше наслаждался ребенок познанием простых истин, тем большее удовольствие он будет получать, продвигаясь дальше в своем образовании. На этом пути у человека происходит вполне понятная селекция пристрастий и отдается предпочтение какому-то ограниченному набору направлений, т.е. происходит профилизация. Это не значит конечно, что всё сводится к чему-то одному. А.Н.Колмогоров, например, очень настойчиво наращивал своё понимание и наслаждение Шопеном, изучал ритмику русского стиха, хотя ко многим другим «благотворным» пристрастиям был равнодушен.

Можно трактовать полученные результаты и следующим образом: напряженное усилие, которое предпринимает образовательный человек для получения наслаждения от нового знания меньше, чем усилия необразованного для достижения той же цели. Можно и заявить следующее: никакого самостоятельного понятия «вкус» не существует. Так называемый вкус – это порождение воспитания и образования. Уместно было бы добавить: «и способностей», но ещё раньше в своей классической работе «Человеческий капитал» один из авторов исследования о пристрастиях Г.С.Беккер сделал предположение о равенстве возможностей новорожденных детей (гипотеза о первоначальном нулевом наделении).

Работа «О вкусах не спорят», которую выше я не столько излагал, сколько пытался интерпретировать для наших нужд, написана в 1996 году людьми довольно преклонного возраста. В работе проскальзывают мысли о разных скоростях изменения «цены» (т.е. напряженных усилий) в разном возрасте и даже об изменении темпов убывания оставшейся жизни у людей разного возраста.

По поводу этих и некоторых других проблем, связанных со способностями, возрастными особенностями, оценкой себя и влиянии это оценки на принятие решений, хотелось бы знать не только мнение пусть гениальных экономистов, но и социологов, психологов и педагогов. Следует заметить, что отказ от гипотезы о первоначальном нулевом наделении вряд ли поколеблет выводы анализа «пристрастий», но способен внести коррективы в теорию человеческого капитала. Более влиятельными могут оказаться дифференцированные по ступеням образования оценки скорости формирования пристрастий. Здесь крайне важным представляется осмысление понятия «цены» удовольствия (теневого, т.е. неденежной цены) для разработки программ профилизации и предпрофильной ориентации.

Чрезвычайно важна самооценка учащегося. Она непосредственно, более, чем что-либо иное, связана с «наслаждением». Именно она способна сформировать мнение о «теновой цене», а потому служит наиболее адекватной оценкой эффективности «субъект-субъектной» педагогики. Здесь кроются опасности перехода в зону ограниченной рациональности, т.е. работы в условиях неполной или даже искаженной информации. И учитель, и ученик способны обольщаться относительно реального положения вещей. В частности это является

следствием несовершенства фильтров (экзаменов, тестов, партофилио). Кроме того, реальна ситуация оппортунистической сигнализации с обеих сторон. Дело не только в разнообразных формах «списывания» со стороны учеников, но и в стремлении «понравиться» учителю. Несоответствие общим требованиям сигналов об успешности работы со стороны учителей, к сожалению, стало рутинной практикой.

Как это ни странно самым непроясненным в анализе образования остается понятие образовательной услуги. Демагогическая истерика, поднятая вокруг понятия, не помогает, а, естественно, мешает исследованию вопроса. Несмотря ни на что мы считаем, что конкретная работа учителя, т.е. та самая поруганная «образовательная услуга», весьма важна для формирования благотворных пристрастий. Именно неумение это показать обществу, трусливая политика защиты «прекраснодушными» демагогическими слоганами демонстрируют финансовым властям неуверенность учительства в эффективности своей деятельности. Так повышения доходов не добьешься. В научном плане большой проблемой при анализе образовательной услуги является непроясненность семейного участия в образовании, а также участия СМИ. Влияние образовательных услуг такого рода в настоящее время возрастает. Меняется и их характер.

Как давно показано в теории социальных взаимодействий, участие семьи в образовании тесно связано со схемами наследования и пенсионного обеспечения. В этих сферах в нашей стране происходят радикальные перемены. Как это влияет на участие семей в образовании детей? Каково должно быть рациональное поведение родителей в этих условиях? Экономический анализ утверждает, что перспектива нестабильности старости влечет за собой усиление воспитания чувства вины в детях. На первый план выходят так называемые «семейные ценности». По этому поводу должны высказаться психологи.

Особую роль выполняют образовательные услуги СМИ. Хотя большей частью они не позиционируются, как образовательные услуги, но, по сути, являются именно ими. Их задача – влиять на предпочтения, привычки и пристрастия, а это, собственно говоря, и есть предложение образовательных услуг. Хотя реклама и мода давно и широко обсуждаются в экономической науке, но не только единого мнения, а даже уверенности в том, что они оказывают хоть какое-то влияние на общество, нет. Смеем думать, что рассмотрение рекламы и моды, как разновидности образовательных услуг может изменить ситуацию. Однако, здесь требуется совместная работа экономистов и психологов. Хрестоматийный пример касается стремления людей отличаться друг от друга. Это объясняет, что даже при стабильности вкусов мода должна изменяться. Более того, её перемены говорят о неизменности вкуса к отличию от других людей.

Менее исследован феномен рекламы в широком смысле этого слова, который я позволю себе назвать «эффектом Фауста». Дряхлый и слепой Фауст видит внутренним взором благоденствие осчастливленных им людей и переживает наслаждение, «высший миг». Дело не в том, что Мефистофель при этом получает возможность забрать его в ад. У Мефистофеля, как известно, ничего не выходит. Дело в том, что наслаждение делегируется через информацию. В данном случае в роли «заманки» выступают не СМИ, а видение Фауста. Какую роль играет образовательная услуга в качестве «заманки», рекламы? Облегчает ли она достижение благотворного пристрастия или служит обольщению?

Проблема обольщения, искажающей сигнализации в образовании не может игнорироваться экономическим анализом. Простейшим случаем являются школьные отметки. Все мы знаем, что одни и те же отметки в разных школах, в разных городах, да, даже у разных учителей – сигнализируют о совершенно разных реальностях. Более запутанным является вопрос о дипломах высшего образования. Престижный технический ВУЗ может выпускать никчемных юристов или экономистов. Некогда замечательный университет, к сожалению способен стремительно деградировать, а свет его диплома ещё долго вдохновляет нас как свет давно погасшей звезды. Тем не менее, и это не самый сложный случай. Наиболее неприятное обольщение состоит в возникновении ложного мнения о пристрастии. Сигналы семьи, общества и учителей о престижности, приличности и востребованности могут привести к «эффекту Гогена». Случай Гогена вопиющ и скандален, но не наблюдаем ли мы разочарование в избранном пути повседневно? Особенно в наше время и в нашей стране. Конечно, различие благотворных и пагубных пристрастий очень

легко для любого учителя или родителя в случае выбора между хорошей музыкой и героином, но не стоит ли более ответственно подходить к проблеме в более сложных случаях, чтобы не поломать жизнь молодому человеку? Не должно ли стать пристальное внимание к удовольствию или даже наслаждению учащегося основой для направления усилий учителя, как это принято в других сферах человеческих взаимодействий?

Насилие и наказание рационально по отношению к преступникам. Более того теория социальных взаимодействий занимается вопросом об определении оптимальной строгости наказаний. Тем не менее, хотелось бы понять, какое это имеет отношение к образованию. С точки зрения теории социальных взаимодействий наказание в образовании скорее свидетельствует о желании учителей таким образом компенсировать свою зависть к молодости и перспективной успешности учащихся, чем о желании принести им какую-то пользу. Во всяком случае, паспортистку в третий раз отправляющую нас заполнять неправильно заполненный бланк мы совершенно законно считаем стервой. Во-первых, заполнение данного бланка не является нашей жизненной задачей, а во-вторых, так нас не научат уважать исполнение формальных процедур. Тем не менее, видимо, в поведение паспортистки так же, как и в поведении злобной учительницы есть своя рациональность. В результате подобных процедур ребенок приобретает не только стойкую нелюбовь к учебе, но и страх перед «начальством», что способствует выстраиванию «властной вертикали». Стоит только напомнить учителям, что такого рода образовательная услуга равна по эффективности и цели услуге паспортистки и не может оцениваться обществом выше.

Экономический подход к образованию заставляет педагогов несколько под другим углом зрения посмотреть на свой труд. Но захотят ли они посмотреть на свои занятия с этой стороны? Согласятся ли с тем, что они оказывают образовательную услугу, оценят ли её особенности и эффективность или по-прежнему будут отождествлять себя и свою деятельность с образованием? Чем это нам грозит?

Уже сегодня можно констатировать реальное расслоение учительства. В период реформ 1991-1996 гг. социальная сфера была исключена из пространства трансформируемой экономики. Законодательные запреты различной степени жесткости на приватизацию в сфере образования, здравоохранения, военно-промышленного комплекса, пенсионного обеспечения и других сферах привел к бедственному положению их работников. Около 70% населения страны оказались в неопределенном положении. Относительно 10% ниществящего населения, могут быть и в какой-то степени, были приняты эффективные меры социальной защиты, что соответствует социальной политике любой страны. 20% успешных работников гражданских отраслей промышленности составили новый средний класс, благосостояние которого росло на глазах. Однако, остальные оказались исключенными из реформируемого пространства. В условиях запрета на легальную рыночную инициативу работники ВПК в массовом порядке стали покидать свою отрасль, а врачи и учителя расслоились на тех, кто стал создавать полулегальные каналы получения дополнительных доходов и тех, кто надеялся на принудительное со стороны государства перераспределение доходов успешных 20% населения в их пользу. Такая ситуация не является уникальной. Нечто подобное происходит в развивающихся странах Латинской Америки. Это ведет к разрушению единого образовательного пространства. Реальностью стало возникновение нескольких довольно разных систем образования. Экономический анализ этой проблемы чрезвычайно интересен, но сегодня я предлагаю обратить внимание лишь на один её аспект. У богатого и бедного учительства разные мотивации, но одинаковые лозунги. Богатому учительству выгодно получать дополнительные доходы вне основного места работы, ему некомфортно менять существующее положение. Бедному учительству боязно бросаться в реформы, которые представляются авантюрой с непонятным исходом. Обе группы, таким образом, протестуют против поисков выхода из сложившегося положения.

Что остается? Только надежда на доброго дядю. Но добрый дядя может что-то сделать для 70%, только обкрадывая 20% успешного населения. В данном случае, термин «обкрадывающая» вполне закономерен, поскольку непонятно, за что предлагается «делиться» доходами. Нетрудно предсказать сопротивление тех, кому предлагают «делиться».

Здесь приходится констатировать наличие «институциональной ловушки» трансформирующейся экономики по Полтеровичу. Всем учителям было бы хорошо, если бы

сфера образования была реформирована, но если кто-то из учителей или, вернее, школ, попытается реформировать свою деятельность в одиночку, то ему придется нелегко. Что делать в этих условиях? Полтерович утверждает, что выход возможен лишь в случае общего катаклизма. Например, кризис неплатежей был преодолен в результате дефолта 1998 года. Можно ли не ждать катаклизма, а преодолеть кризис в образовании реформой? Например, приватизацией. Не зданий и сооружений, а учебного процесса, т.е. введения контрактных отношений между школой и муниципалитетом. Реально ли это? Это ещё один вопрос к вам, а не к экономистам. Экономист оказывает свои экономические экспертные услуги поставщикам товаров и услуг, в том числе вам, но ответить на большинство вопросов, поставленных здесь, предстоит вам, а не экономистам.

Экономика всегда была и будет гуманитарной наукой. В конце концов, цена – это не более, чем мнение людей о полезности благ с учетом опять же наших мнений об усилиях по их получении. Однако, сегодня экономика преодолевает барьеры, возникшие за последнее столетие между ней и другими гуманитарными науками. Возможно, философам, социологам и психологам покажется, что экономический подход излишне грубоват. Соглашаясь с таким мнением, экономическая наука демонстрирует свое стремление «утончиться». Но, в свою очередь, она предлагает другим гуманитарным наукам обратить внимание на то, что понятия «полезности», «лишений ради чего-то», «рационального выбора» - отнюдь не пустые слова, а реальность, в которой мы существуем.

Призывая к диалогу, я понимаю трудности, с которыми придется столкнуться обеим сторонам. Экономисты серьезно упростили и схематизировали те подходы, которые были заложены отцами-основателями нашей науки. Замена «удовольствия» на «выгоды», а «лишений» на «издержки» отнюдь не безобидная игра в слова. Попытки ориентироваться на «результат» останутся неэффективными пока результат будет трактоваться в духе традиционной экономики конца XIX – первой половины XX века. Во второй половине XX века экономика сделала серьезные шаги по направлению к своим собеседникам. Неплохо было бы, чтобы понятия «удовольствия», «пристрастий», «лишений», «усилий», «признания» и «результата» в педагогике и психологии лишились бы своего сакрального ореола, но показали бы граду и миру некоторые свои осязаемые и наблюдаемые контуры.